

П.Н. Краснов

Кзаки в Абиссинии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
К77

Краснов П.Н.
К77 Казаки в Абиссинии / П.Н. Краснов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 234 с.

ISBN 978-5-4241-1881-4

Краснов Петр Николаевич (1869-1947), профессиональный военный, казачий атаман, прозаик, историк. Активный участник белого движения, воевал против большевиков в гражданской войне. Эмигрировал. За границей Краснов опубликовал много рассказов, мемуаров и историко-публицистических произведений. После Великой Отечественной войны был интернирован в СССР и приговорен военным трибуналом к смертной казни.

ISBN 978-5-4241-1881-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.Н. Краснов, 2021

Предисловие

Выпуская в свет настоящий свой труд, я считаю долгом предупредить читателя, что это не более, как дневник, в который я с полной добросовестностью заносил все то, что меня поражало, трогало и восхищало дорогой. Особенно в начале нашего путешествия, в странах культурных, мне пришлось смотреть то, что давно всем известно и давно описано. Я описывал эти места с тою подробностью, с какою видел сам. Мой дневник не может служить гидом для путешественника, желающего проехать в Африку, хотя бы потому, что в иных местах я, занятый конвоем, видел слишком мало, в других смотрел чересчур узко — лишь, как кавалерист и охотник.

Не найдут в моем описании и научного исследования малоизвестной страны, потому что я имел слишком мало времени для этого, не обладаю достаточными знаниями и не был снабжен нужными для того средствами.

Мой дневник — это моментальная фотография глаз моих. Чего я не видел, про то и не пишу. Если я смотрел на что-либо не так, как надо, прошу простить мне великодушно мои ошибки. Не записать же и не отметить хотя бы и мелочей такого грандиозного факта, как посылка гвардейских казаков в Абиссинию, — я не мог.

Еще раз предупреждаю, что ничего научного в моем дневнике не найдется — лишь беглый обзор пути от Петербурга до Адис-Абеба и обратно, Это легкое кавалерийское кроки, сопровождаемое легендой и только.

Feci quod potui — faciant meliora potentes.

Рисунки, приложенные к этому изданию исполнены по фотографиям, любезно предоставленным мне моими товарищами по путешествию Л. С. Давыдовым, К. Н. Арнольди и Г. В. Коховским, которым приношу свою сердечную благодарность за сделанное одолжение этими фотографиями и за те замечания, при помощи которых о я вернее мог передать наши общие впечатления в заграничной командировке.

П. Краснов.

I

От Петербурга до Одессы

Мое назначение начальником конвоя. Сборы в путь. Молебствие. Состав конвоя. По железной дороге. Нагрузка на пароход «Царь». Одесса.

23-го сентября 1897 г., возвратись из области войска Донского в Петербург и просматривая бумаги, получившиеся в полку в мое отсутствие, я нашел отношение штаба гвардейского корпуса о командировании казаков в Абиссинию в состав конвоя Императорской дипломатической миссии. Сейчас же в уме моем мелькнула мысль хлопотать о назначении в состав этого конвоя. Объехать чужие страны, увидеть новые места, новую природу, попасть в «коловоращение людей», как выражался Чичиков, наконец, расширить жизненный кругозор путешествием — все это было слишком заманчиво, чтобы жалеть на это время и труды. И я стал хлопотать. На первых же порах я потерпел фиаско, «Поздно», вот ответ, который мне был дан и начальником миссии, и вице-директором азиатского департамента министерства иностранных дел... «Поздно», — состав отряда уже утвержден, смета составлена и переменить ее невозможно. Но видно мне суждено было ехать и дело мое устроилось. Конвой, который первоначально было предполагено сформировать из казаков и пехоты, составлялся исключительно из казаков; можно было думать, что и начальником этого конвоя должен был быть казак — шансы мои возвышались, наступало тревожное состояние, когда не знаешь, останешься ли дома, в Петербурге, или на очень долгое время покинешь его, и все, что так дорого на родине.

Около 1-го октября приехал в казачьи казармы один из членов миссии, генерального штаба полковник Артамонов, и официально передал приказание в полки формировать конвой. В состав конвоя назначалось: шесть казаков лейб-гвардии Казачьего полка, шесть казаков — лейб-гвардии Атаманского полка, трое лейб-гвардии Уральской казачьей сотни, два артиллериста лейб-гвардии 6-й Донской Его Величества батареи и два Гвардейской конно-артиллерийской бригады; кроме того, в состав конвоя входил также один гусар лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, бывший в командировке в Абиссинии вместе с поручиком того же полка А. Е. Булатовичем. Начальствование конвоем было вверено поручику Булатовичу, а за его отсутствием одному из офицеров миссии, по назначению ее начальника. Но, так как конвой состоял почти исключительно из казаков, то начальник миссии, затрудняясь в выборе между бывшими в его распоряжении двумя пехотными офицерами, вошел с ходатайством о назначении меня начальником этого конвоя.

Впредь до решения моей участи полковник Артамонов поручил мне присмотр за снаряжением казаков и дал указания относительно того, что должны они иметь с собой в далеком походе. Имея надежду в непродолжительном времени принять конвой на законном основании, я с радостью принялся за дело его снаряжения.

В конвой было приказано дать отборных людей от полков. Каждый человек, помимо красивой внешности, представительного роста, должен был обладать известным развитием и характером, чтобы импонировать туземному населению; кроме того, он должен был быть не обузой, не мертвым грузом в походе, но полезным сочленом экспедиции. Все отобранные казаки удовлетворили бы самому строгому требованию. Это были рослые люди, хорошо грамотные, развитые,

между ними были мастеровые, сапожники, портные, были люди, знающие плотничное и столярное ремесло, были певцы.

На другой день моего экс-назначения начальником конвоя, по моему требованию, мне был представлен казаком лейб-казачьего полка, Любовиным, список вещей, которые, по мнению всего их «круга» (общего собрания), им нужны будут в походе. При дальнейшем составлении описи вещей полковник Артамонов руководствовался этим личным желанием казаков, вычеркнув из списка весьма немногие вещи, записанные казаками, вследствие неполного понимания в какие условия предстоит им попасть в Африке.

Все эти вещи можно было разбить на три категории: по способу укладки, и по местам их употребления, и на две, по роду вещей: на казенные и собственные. К первой категории я отнес те вещи, которые казаку понадобятся только на месте во время жизни в Энтото, столице Абиссинии: это парадное снаряжение и часть белья; во вторую категорию вошли вещи, нужные в походе по пустыне: оружие, патроны, седла, вьюк, фланелевое белье и проч. и, наконец, к третьей категории: вещи ручного багажа, бурки, верблюжьи куртки, запас белья, мелочи походной жизни, белые фуражки и проч.

Первая категория вещей укладывалась в одинаковые ящики, длиной 10 вершков, шириной 8 и вышиной 6; ящики обшивались рогожей и подготавливались к отправлению на мулах и верблюдах; вес их был не более трех пудов:

Ящики, вместившие в себе вещи второй категории и подлежащие перевозке только по железной дороге, да в трюмах пароходов, имели различную длину, форму и вес.

Все эти вещи шли до Джибути — порта в Красном море (Смотри приложение I).

Офицеры, миссии и гвардейской казачьей бригады благословили конвой иконой изящной работы. Икона эта изображала образ Спасителя в венце из эмали, в дубовом ящике; на задней крышке складня привинчена серебряная доска с надписью: «Конвою Императорской Российской дипломатической миссии в Абиссинию чины миссии и гвардейская казачья бригада, 12-го октября 1897 года».

На заготовление предметов обмундирования и снаряжения, которые от казны не полагаются, каждому казаку было выдано по сто рублей подъемных.

Как начальник конвоя, я взял с собою те же самые вещи, какие были у нижних чинов, и уложил их таким же образом: т. е. ящик до Энтото, ящик до Джибути и ручная кладь. Исключение составляли мой статский костюм и ящик с чертежною принадлежностью, красками и мелочью.

Для укладки моего имущества мне любезно был предоставлен поручиком Кавалергардского полка Ч-вым на испытание выработанный в полку вьюк. Вьюк этот состоит из двух переметных сум для мягких вещей и большого четырехугольного ящика из желтой парусины, разгороженного на две части. В этот ящик вошла походная канцелярия, краски и проч.

Снаряжение конвоя подвигалось весьма быстро. Лейб-гвардии Казачий и лейб-гвардии Атаманский полки открыли свои мастерские для работы курток, белых брюк, подков и ящиков. Целыми днями заготавливались, принимались и упаковывались вещи, с особенным вниманием снаряжал в путь своих людей заведующий хозяйством лейб-гвардии Казачьего полка полковник А. В. Родио-

нов. Каждая вещь, выдаваемая им казаку, проходила через его строгий контроль. Не одно простое казачье «спасибо» срывалось с их уст в пустыне, где по достоинству оценены были плоды его заботливости.

Миссия должна была тронуться 14-го октября... Было уже 10-е, а мое назначение все еще не состоялось. Руки опускались, энергия пропадала. Наступали минуты отчаяния я бросал живое дело снаряжения конвоя и шел в канцелярию, гонял смену трубачей, словом, занимался обычными будничными делами.

12-го октября в церкви казачьей бригады после обедни было отслужено напутственное молебствие. Почти вся миссия собралась в церкви помолиться Господу Богу. Впереди других казаков, по середине церкви, в парадных, алых, синих, малиновых и черных мундирах стояли люди конвоя. С боку отдельной группой, тоже в парадной форме, стали члены миссии: генерального штаба полковник Л. К. Артамонов, секретарь посланника, коллежский секретарь А. А. Орлов, поручик лейб-гвардии Измайловского полка К. Н. Арнольди, поручики лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской фамилии батальона Г. В. Коховский и Л. С. Давыдов и Кавалергардского полка Г. Г. Чертков; доктора отряда; надворный советник М. И. Лебединский, коллежский ассессор Н. П. Бровцын, провизор Б. П. Лукьянов, классный фельдшер коллежский регистратор С. Э. Сасон и кандидат на классную должность Кузнецов. Все офицеры обоих казачьих полков вместе с командирами присутствовали на молебствии. Священник в короткой прочувствованной речи объяснил казакам обязанность их, как христиан в чужой далекой стране, увещевал их терпеливо сносить все трудности пути в земле с климатом, столь отличным от того, в котором они родились выросли. Затем конвою была передана икона и каждому казаку по маленькому тельному крестику. При выходе из церкви казаки были собраны и начальнику штаба гвардейского корпуса генерал-майор Глазов обратился к ним с напутственной речью. Если просмотреть дневники нижних чинов за этот день, то можно видеть, какое сильное впечатление произвел на них этот молебен в присутствии всего начальства. Впервые им ясно стало, что путешествие их необыкновенно, что это не переход в Красносельский лагерь, а настоящий поход. «Сердца наши открылись, пишет грамотей Любоцин, лейб-казак, обладатель прекрасного баритона, «жалко нам стало расставаться с товарищами, идти в те страны, о которых мы знали лишь понаслышке, или читали в учебниках»... «Молебствие, грустно расстаться, начальники наши прощались с нами», коротко и просто отмечает этот день здоровый Могутин, красивый бородач.

18-го октября я был вызван в главный штаб и здесь мне было объявлено, что я назначен начальником конвоя.

24 часа было в моем распоряжении на сборы и я приступил к мобилизации.

Всю ночь с 13-го на 14-е октября в конвое никто не ложился, стучали топоры, раздавался визг пилы. Одни ящики приносились из мастерских, их обдeldывали окончательно, приспособляли к вещам, укладывали, забивали досками, обшивали рогожей и надписывали. Люди работали весело и бойко. Не было и тени желания выпить на прощание, все были озабочены и заняты сборами.

Бледное петербургское утро осветило комнату, заставленную ящиками для далекого путешествия. Свежий осенний ветер дул по улицам, — бледное синее небо с обрывками облаков было тоскливо.

Минута от езды, очень тяжелая для провожающих — легче переносилась

уезжающими. Толпа народа, собравшаяся к 3-м часам дня на Николаевском вокзале, сердечные пожелания, все это повышало настроение, разлука казалась не так заметной, мало думалось о будущем, все мысли были еще назад, в Петербурге. Однако, многие из казаков плакали. Это были слезы, вызванные исключительно волнением неожиданных и трогательных проводов...

Самая скучная, часть пути началась. Поезд тронулся, все сняли шапки и перекрестились — «Счастливый путь» — кричали на станции. Пошли мелькать мимо знакомые заборы, багажные вагоны, платформы. Показались красные казачьи казармы, манеж, замелькал переплет моста, пошли болота и леса родного севера, Петербург остался позади, члены миссии начали знакомится друг с другом...

Состав офицеров и врачей мною назван выше. Я позволю теперь остановиться на нижних чинах вверенного мне конвоя. Их 20 человек, один уже уехал; на лицо 19. В видах удобства управления конвоем я разбил его на три звена (отделения): лейб-казачье, атаманское и сводное (из уральцев и артиллеристов). Старшим, на правах вахмистра, назначен с утверждения полковника Артамонова старший урядник лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка Духопельников, молодец 2-х аршин 12-ти вершков роста, с широкой окладистой бородой и ясными голубыми глазами, православный, холостой; характера спокойного, немного резонер. Важничает, но слегка. Старший лейб-казачьего звена — младший урядник Еремин, православный, холостой. Ростом не ниже Духопельникова, но имеет более жидкую бороду, поет звонким тенором. Казаки Изварин и Могутин, женаты. Трубоч Терешкин, художав и строен, слегка горбится, мастер на все руки. Характера мрачного. Казак Люб-вин, холостой парень, невысокого роста, с глазами на выкате, носит небольшие усы. Любит почитать книжку, поговорить; смесь писарского шика с казачьим самомнением; обладает прекрасным баритоном. Слегка презирает своих остальных товарищей — серые, дескать, ничего не понимают. Знаток различных напевов, человек бывалый, весьма любознателен. Старший атаманского звена — старший урядник Авилов, большого роста, художавый, характером похож на Духопельникова, но ниже и слабее его. Женат, часто задумывается. Трубоч — урядник Алифанов. Бледное лицо, обрамленное густой черной бородой, с черными же задумчивыми глазами. Портной, плотник и кузнец. Весьма исполнительен, но говорить много не любит. Приказный Крынин, казак среднего роста, человек расторопный и почтительный. Соваться вперед не любит — порученное исполнит тщательно. Приказный Архипов, плотный и сильный мужчина, старовер, угрюмого и задумчивого характера; глаза, сверкающие из-под нависших бровей, скрывают добрую душу; чертежник и съемщик. Казак Кривошлыков, длинный, худой, некрасивый с виду детина, кузнец и паяльных дел мастер. Приказный Демин, почти мальчик с пробивающимися черными усиками 2-х аршин 11-ти вершков росту. Старший сводного звена — фейерверкер 1-й батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады Недодаев, малоросс, уроженец войска Донского; толст и солиден, не без малороссийского юмора; любит петь, разговаривать, весьма любознателен. Фейерверкер 2-й батареи Полукаров, уроженец Рязанской губернии, не имеет ни усов, ни бороды, поет звонким нежным тенором, человек очень рассудительный. Артиллеристы лейб-гвардии 6-й Донской батареи Щедров и Мазанкин, оба красивые видные бородачи; оба моряки, низовых станиц; дома, на Дону; — занимались

рыбачеством. Уральцы — Сидоров, лихой запевало, гармонист, длинный безбородый и безусый, весельчак и шутник, хороший музыкант. Панов, рыжебородый, с монгольскими чертами лица уралец, отличный танцор, любитель поболтать и поспорить и, наконец, Изюмников, невысокий и круглолицый казак.

Конвой едет в особом вагоне третьего класса. Люди сбились по кучкам. В одном конце грамотеи читают рассказы про Абиссинию, в другом переписывают русскими буквами написанную марсельезу.

Унылая осенняя природа видна из окна. Желтые поля, голые коричневые леса, лужа, болотце, черная деревушка на скате и опять поля и леса. Так до Москвы, без перемен с короткими остановками на станциях, на которых едва успеваешь проглотить стакан чаю и опять несешься дальше и дальше.

9 часов вечера. Люди становятся в одну шеренгу на переключку в тесном проходе вагона. Трубоч Терешкин заводит кавалерийскую зарю. Дружно пропе-ли: «Отче наш «и «Спаси Господи». Ночь...

В Москве к отряду присоединился мальчик — кадет 1-го Московского корпу-са Хайле Мариам Уонди, сын Ато Уонди, харарского землевладельца, абиссинец родом.

Восьми лет от роду он приехал в Петербург, совершенным абиссинцем, теперь ему 14 лет, он отлично говорит по-русски, но забыл свой родной язык. Доктор Бровцын, кандидат Кузнецов и классный фельдшер Сасон пытаются воскресить в его памяти абиссинский язык, но это не всегда им удается. На вопросы по абиссински мальчик сконфуженно улыбается и отрицательно качает головой.

16-го октября, поздно ночью, проехали через Киев. Дул пронзительный осенний ветер. Днепр катил свои холодные волны. «Ни зашелохнет, не прогремит. Глядишь и не знаешь — идет или не идет его величаява ширина, и чудится, будто весь он вылит из стекла и будто голубая зеркальная дорога реет и вьется по зеленому миру»... Железнодорожный мост навис над Днепром. У берега привязано несколько лодок, на них горят красные фонари и огни их отражаются длинными алыми полосами в воде. Немного выше идут улицы. Огненные точки фонарей параллельными рядами взбегают на холмы. Где-то пожар, широкое за-рево заняло полнеба и на фоне его резко вырисовываются силуэты домов. Пира-мидальные тополи растут здесь и там. Вот показали фонари, поезд остано-вился и началась перегрузка на юго-западную дорогу.

За Киевом пейзаж изменяется. Становится теплее. В садах много зелени. Пожелтели одни дубы и клены, акация же, береза и другие деревья еще зелены. Появились жиды. С рыжими, черными и седыми бородами в длиннополых сюртуках, с косматыми волосами, толпились они по платформам маленьких станций. Виды становятся красивей и богаче. Маленькое озеро окружено корич-невой дубовой рощей. Группа малороссиянок граблями сгребает сухие листья; телеги, запряженные мутно серыми волами с широкими разлатыми рогами стоят в линию... Красивая картина парка быстро скрывается из глаз и видна широкая, чуть всхолмленная поляна, а там хутор с белыми домиками, высокая церковь с зеленым куполом и снова роща.

В Одессу прибыли 17-го октября, около 9-ти часов вечера. Толпа комиссио-неров гостиниц окружила с предложениями услуг. Начальник миссии озаботил-ся оставлением комнат в гостинице «Лондон». Люди конвоя ночевали в своем вагоне на станции.

18-е Октября. С раннего утра команда грузит свои вещи, вещи аптеки и царские подарки на пароход русского общества пароходства и торговли «Царь». Вагон железной дороги подан к самой пристани. Дрягиль в сером пиджаке, впрочем нет, назвать серым это смешение пятен, дыр заплатанных и не заплатанных — немного смело, и таких же штанах, в серой шляпе, круглой, с широкими нолями, опущенными вниз, заведует нагрузкой. Все лицо его, грязное и загорелое, покрыто потом. Глубокие морщины избороздили его по всем направлениям. Из улыбающегося то и дело рта торчит единственный зуб. Такие типы, кажется, созданы портовой жизнью. Загорелые, покрытые потом и углем, с обветренными лицами, они день и ночь толкуются на пристани, болтая на всех языках вообще и ни на одном в особенности. Другой такой же тип стоит на палубе «Царя» и распоряжается нагрузкой в трюм.

— «Майна!» кричит седой нагрузчик.

— «По малу!» мягким басом отвечают сверху.

Со стуком вертится колесо на лебедке и натягивает цепь. Цепь тянет веревочную петлю — «строп», тяжелые ящики медленно поворачиваются на покатых досках, перекинутых с пристани на борт судна, ползут по ней, еще мгновение и они висят над морем.

Казак Изварин с испугом смотрит, как качаются над морем ящики с драгоценными Императорскими подарками.

— «А не оборвется?» робко спрашивает он нагрузчика. Тот отвечает взглядом глубочайшего презрения.

Нагрузка длится часа три. Три часа раздаются однообразные восклицания. — «Майна!» — и глухой ответ — «по малу».

Погода довольно теплая. Серые тучи нависли над морем. В порте вода мутно-зеленого цвета, дальше Черное море оправдывает свое название — оно графитового цвета; вдаль сгустились тучи. Семь дней здесь свирепствовала буря и разведенное ею волнение обратилось в мертвую темную зыбь.

Нагрузка кончена. Последние ящики погребены в широком темном отверстии трюма. Я иду на берег: нужно кое-что закупить; интересно заглянуть на физиономию незнакомого города. Я подымаюсь по грязной улице, на которой вокруг трактиров толпятся дрягили и матросы различных национальностей, и попадаю в город. Чистая широкая улица, мощеная каменными брусками, чистый тротуар, обсаженный в два ряда белой акацией, такие же чистые однообразные домики с большими окнами и красивыми дверьми без подъездов. Направо такая же улица оканчивается изящной церковью, дальше видно грандиозное здание театра, сад вокруг него и в саду цветник. Невольно думаешь о голых деревьях петербургских садов и темных клумбах, быть может теперь уже запорошенных снегом.

Я прошел Ришельевскую, Дерибасовскую улицы, прошел Кузнечный переулок, набережную с ее красивыми грандиозными домами, зашел в громадный подъезд «Credit Lyonnais», разменял там деньги, присмотрелся к восточным чело­векам на улицах, к французам в банке, к грекам в ресторанах, харчевнях и парикмахерских, и убедился, что Одесса имеет иностранную и даже прямо французскую физиономию.

Видно первый ее губернатор, памятник которому так властно смотрит на зеленый порт, обрамленный длинными молами, на темное, вечно волнующее море положил в основу ее широкую, прямую и просторную планировку городов своей

изящной родины.

Я гулял по Одессе и поздним вечером. Я смотрел на намазанные физиономии гречанок, немок и француженок, разгуливающих по бульварам, смотрел на юрких молодых людей неизвестного звания и профессий, сновавших здесь и там, наблюдал эту шумную жизнь улицы вечером октябрьского дня. Немножко напомнила она мне платформы Стрельны, Петергофа в теплые летние вечера, наводненные толпой учащейся молодежи. И здесь преобладали гимназисты в серых курточках и серых брюках. Незаметно я вышел к памятнику Ришелье.

Какой чудный вид на море открылся предо мною. Повсюду огни. Белые — электрические, желтые, красные, зеленые. Море чуть шумело; теплым ветром тянуло от него. Внизу жизнь еще кипела. Здесь, наверху, изредка проходили парочки, исчезали в зеленом прибрежном саду и веселый южный смех слышался из тенистых кустов. Я прошел к «Царю» При свете электрических фонарей нагрузка продолжалась. Стадо белых быков стояло у парохода. По очереди подгоняли одно из животных ближе к пароходу, подводили под него строп, обшитый снизу парусиной, раздавался крик... майна!», глухое «по малу!» отвечало с берега и беспомощно поджав короткие ноги свои и низко опустив рогатую голову с самым глупым выражением темных глаз поднимался бык на воздух, поворачивался на крапе и медленно опускался в широкий трюм. Первое время после воздушного своего путешествия бык себя чувствовал плохо, но его тянули за рога, крутили ему хвост и он кидался в погруженную уже толпу быков... Вся верхняя палуба занята баранами. На крыше средней рубки тоже толпятся стада мериносов.

Команда моя только что построилась на перекличку.

— «Ну что, хороший город Одесса?»

— «Очень хороший», последовал дружный ответ.

— «Можно сказать — прекрасный город».

— «А моря вы не боитесь?»

— «Никак нет, ваше высокоблагородие».

Я осмотрел их помещение, недурное в общем, на нарах, наверху, под окнами и ушел домой, в гостиницу «Лондон».

Дома я не мог заснуть; долго слышалось мне скрипение цепи лебедки, крики — «майна!» и угрюмый ответ — «по малу!»